

—

XVIII.

Зубы пронзили железу, и альфа-феромоны Гу Сьюаня — прохладные, как свежий снег и ледяной чай — хлынули подобно приливу. Они окутали его, не оставляя пространства для отступления.

Спина Се Цинсяо непроизвольно задрожала: в этой дрожи смешались страх перед полным обладанием и необъяснимый восторг. Его щеки вспыхнули пунцовым.

Гу Сьюань, словно почувствовав этот трепет, усилил хватку. С властной и деспотичной решимостью он еще крепче прижал юношу к себе. Се Цинсяо был вынужден закинуть голову, его подбородок уперся в твердое плечо Альфы; между ними не осталось ни миллиметра свободного пространства.

Чувствуя, как внутри него бурлит и растекается этот аромат ледяного чая, Се Цинсяо внезапно ощутил: в этот миг они стали единым целым, и даже их души больше не разделены.

Спустя неизвестно сколько времени Гу Сьюань поднял голову. Его взгляд постепенно прояснился. Заметив, что человек перед ним буквально пропитался его запахом, он довольно усмехнулся.

В то же время его взгляду предстало алое пятно: в порыве страсти он не рассчитал силы, и на белоснежном затылке Се Цинсяо отчетливо проступила кровь. Гу Сьюань тут же разжал руки, отпуская его, и полез в карман в поисках салфетки.

За две жизни он ни разу не маркировал Омегу и обладал лишь теоретическим опытом.

Се Цинсяо же, почувствовав внезапное исчезновение тепла и то, как быстро его оттолкнули, решил, что Гу Сьюань пришел в себя и теперь сожалеет о содеянном. Его лицо мгновенно изменилось, став пугающе бледным и холодным. Он прикусил губу и со всей силы толкнул Гу Сьюаня:

— Гу Сьюань, ты сволочь!

С этими словами он бросился к выходу.

Реакция Гу Сьюаня всегда была молниеносной. Заметив, что парень намерен сбежать, он тут же перехватил его, прижимая к себе и не давая вырваться:

— Что случилось? У тебя же шея в крови!

Се Цинсяо впервые в жизни так злился на то, что он Омега: его сила и скорость ни в какое сравнение не шли с Альфой. Его глаза покраснели от гнева:

— Тебе-то какое дело? Отпусти меня!

Гу Сьюань не знал, все ли Омegi после временной метки становятся настолько эмоционально нестабильными. Он слегка надавил на плечи, заставляя парня повернуться к себе лицом, и, перехватив его подбородок, спокойно спросил:

— Да в чем дело? Даже если хочешь уйти — сначала объяснись!

Се Цинсяо сейчас чувствовал себя так, будто его окунули в ледяную воду. Холодный тон Гу Сьюаня заставил его сердце сжаться от обиды. «Все Альфы одинаковы, все они негодяи». Он не хотел отвечать.

Но его сопротивление для Гу Сьюаня было почти неощутимым — Альфа удерживал его с неоспоримой силой. Се Цинсяо, вне себя от ярости, начал брыкаться, как пойманная лягушка.

Глядя на это, Гу Сьюань не удержался от смешка. Се Цинсяо счел это за высшее оскорбление и удвоил усилия. Когда он вскинул руки, пытаясь вырваться, его рука с глухим стуком врезалась в твердую стену.

Гу Сьюань перестал смеяться и негромко произнес:

— Ну вот, допрыгался. Ударился? Сильно болит рука?..

Услышав это, Се Цинсяо прищурился и тут же подхватил игру. Он начал судорожно втягивать воздух сквозь зубы и проговорил сдавленным от «невыносимой боли» голосом:

— А-а... больно, как больно... Кажется, на стене был гвоздь, я прямо об него...

В этот момент луна скрылась за тучами, и большая часть комнаты погрузилась во тьму. На стенах читального зала действительно висело много картин и рамок, и, учитывая отсутствие должного ухода, там вполне мог торчать гвоздь. Если он ржавый, придется делать прививку от столбняка.

Гу Сьюань не видел деталей, но вспомнил, как месяц назад этот упрямец даже с разбитой голенью не проронил ни слезинки. Он подсознательно решил, что на этот раз боль действительно невыносима. Он тут же отпустил его и потянулся к его руке:

— Как ты мог попасть на гвоздь? Эта рука? Кожу содрал?..

Гу Сьюань засучил его рукав и сантиметр за сантиметром начал ощупывать кожу. Его горячие ладони мгновенно согрели ледяную руку Се Цинсяо. Тщательно проверив одно предплечье, он тут же переключился на другое запястье.

Сквозь призрачный лунный свет Се Цинсяо наблюдал за движениями этого высокого мужчины. Тревога на его красивом лице не была поддельной.

Тогда почему он отказал ему раньше? И почему оттолкнул сейчас?..

Се Цинсяо вздохнул и опустил голову. В конце концов, он просто не мог его отпустить. Он настолько нуждался в любви, что готов был цепляться за малейшую искру тепла.

Он облизнул губы и тихо спросил:

— Гу Сьюань, ты ведь меня совсем не уважаешь? Раньше ты... кажется, постоянно надо мной посмеивался. Я тогда, помнится, даже злился на тебя...

Гу Сьюань закончил осмотр. Заметив лишь легкие покраснения и отсутствие ран, он понял, что этот парень его обманул. Однако у него было странное предчувствие: всё, что произошло до этого, было менее важно, чем ответ на этот вопрос.

— Нет, — твердо ответил Гу Сьюань.

Возможно, в самом начале у него и была мысль «понаблюдать за комедией» параллельно с выполнением задания, но это было лишь потому, что он не знал Се Цинсяо лично. Позже это чувство исчезло. Се Цинсяо в этой жизни был абсолютной жертвой.

Гу Сьюань приложил салфетку к белой изящной шее юноши и негромко произнес:

— Пока я ходил за салфеткой, ты успел куда-то сорваться. Кровь уже на воротник попала. Кто увидит — решит, что я тебе горло перерезал.

Се Цинсяо коснулся шеи — кончики пальцев стали влажными. Он хлопнул длинными ресницами, осознав, что, кажется, всё неправильно понял. Подумав, он устался на Альфу и шепотом спросил:

— То есть... когда ты сразу оттолкнул меня после метки, ты просто искал салфетку, чтобы остановить кровь?..

Гу Сьюань нахмурился и, прервав его, серьезно уточнил:

— Погоди. Когда это я тебя «отталкивал» после метки? Я тебя просто выпустил из объятий.

Он помолчал секунду и добавил:

— Я... я оттолкнул тебя только в самом начале, когда ты вошел. И в этом я действительно был не прав.

— А-а, — внезапно улыбнулся Се Цинсяо.

Гу Сьюань покосился на него. «Уже улыбается? Чего тогда злился минуту назад?» Чувствуя, какая холодная кожа у парня, он снял свой пиджак, накинул на плечи Се Цинсяо и повел его вон из библиотеки.

Проходя мимо двери, он заметил брошенный на пол большой рюкзак:

— Это твой?

— Угу, — сладко кивнул Се Цинсяо.

Гу Сьюань подхватил сумку, закинув лямку на плечо, и, продолжая держать парня за руку, повел его вниз:

— Пойдем!

— Хорошо, — настроение Се Цинсяо теперь было просто отличным. Он шел, как послушная кукла, которую хозяин волен вертеть как угодно, и лишь тихо следовал за ним.

К счастью, было уже поздно, а завтра начинались каникулы — почти все учителя и ученики разъехались. Иначе их вид наверняка собрал бы толпу любопытных.

На полпути Се Цинсяо поднял голову и огляделся. Он заметил, что дорога ведет не туда. Они шли в сторону общежития для преподавателей. Он притормозил Гу Сьюаня.

Гу Сьюань остановился, взглянул на него и холодно бросил:

— Что, так вымотался во время своих «выкрутасов», что ноги не идут? Хочешь, чтобы я понёс тебя на руках?

Се Цинсяо проигнорировал его сарказм. Напротив, он бросил на него загадочный взгляд, подошел ближе и прошептал:

— Для сегодняшнего вечера... это не слишком ли поспешно?

Гу Сьюань приподнял бровь:

— М?

Видя, что этот человек снова вернул себе обычный холодный и отстраненный вид, Се Цинсяо вспомнил его неистовую страсть в библиотеке, и от этого контраста у него запершило в горле. Тем не менее, он сохранил каплю благоразумия и продолжил:

— Мы всё-таки еще школьники. Прямо сейчас «этим» заниматься... боюсь, это...

Гу Сьюань наконец понял, к чему он клонит. Он негромко рассмеялся, обхватил пальцами подбородок юноши и внимательно всмотрелся в него:

— О чем ты только думаешь?

Лицо Се Цинсяо смешно деформировалось в широкой ладони, но он стоял на своем:

— Но впереди же твое общежитие?

Весь класс знал, что школа Бэйчуань переманила Гу Сьюаня на исключительных условиях: не только бесплатное обучение и стипендия, но и отдельная комната в том же корпусе, где живут учителя. Условия там были отличные.

Гу Сьюань внезапно наклонился к его уху. Теплое дыхание коснулось нежной кожи шеи, и Се Цинсяо вздрогнул — по телу побежали мурашки. Гу Сьюань, вдыхая знакомый аромат, довольно улыбнулся и прошептал:

— Ты сейчас весь пропитан моим запахом. Неужели ты хочешь в таком виде вернуться в свое общежитие или поехать домой, чтобы тебя все разглядывали и допрашивали?

— А... точно, — Се Цинсяо за этот вечер пережил столько потрясений, что действительно не подумал об этой проблеме. После временной метки он пах феромонами альфы, и этот запах выветрится только через несколько дней.

Гу Сьюань продолжил:

— Как раз завтра начинаются праздники. За три дня всё пройдет. Сегодня останешься у меня, а завтра посмотрим по обстоятельствам.

Се Цинсяо с сомнением посмотрел на него:

— И всё?

Гу Сьюань ущипнул его за мягкую щеку и с иронией заметил:

— А ты чего еще ожидал? Не думал я, одноклассник Се, что в душе ты у нас настоящий

МИНЬОН...*

[*Миньон (小黄人, Xiǎo huáng rén) – дословно маленький жёлтый человек. Игра слов: в китайском сленге «желтый» означает «пошлый/эротический», так что Гу Сьюань называет его «пошляком».]

Услышав это, Се Цинсяо неистово закашлялся. Какой еще «миньон»...

Гу Сьюань не стал больше смущать его и, сжав его ладонь, потянул за собой. Внезапно рука Се Цинсяо снова напряглась, удерживая его. Гу Сьюань обернулся и молча посмотрел на него.

— Ну... ты же сам сказал, что у меня «ноги не идут»... и можно на ручки... — Се Цинсяо, густо покраснев, отвел взгляд, гордо выставив подбородок, как прекрасный лебедь.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281556>